

СУВЕРЕНИТЕТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Э. В. ГАБРЕЛЯН*

Статья посвящена проблеме соотношения в современных условиях глобальной модернизации двух концепций — концепции суверенитета государств и концепции прав человека. Показывается несовместимость этих концепций как в плане внутреннего аспекта суверенитета, так и в отношении внешнего. Применительно к внутреннему аспекту суверенитета отмечается, что принцип верховенства прав человека, лежащий в основе правового государства, нивелирует принципы неограниченности и единства власти. Категория «суверенитет», используемая наряду с теорией правового государства, перестает отражать реальные правила (законы) организации институтов публичной власти и иметь отношение к власти как определенным отношениям (действиям) индивидов. С точки зрения теории правового государства концепция суверенитета теряет свое изначальное значение, обезвреживается и лишь затрудняет теоретический анализ государства, требуя дополнительных объяснений. В отношении внешнего аспекта суверенитета показывается, что развитие идеологии прав человека, причем понимаемых универсально (универсальные стандарты права человека), приводит к размыванию принципа невмешательства во внутренние дела государства и его основы — принципа независимости государств. Одновременное существование двух доктрин: универсальных стандартов прав человека и принципа независимости государств, когда представления суверенитета как высшей ценности уже не доминирующие, а универсалистский подход к правам права человека еще не господствует, — приводит к появлению внутренне противоречивых конструкций суверенитета.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: суверенитет, государственная власть, права человека, модернизация.

Габрелян Эмиль Вацаганович,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник Института
государства и права РАН

GABRELYAN E. V. SOVEREIGNTY AND HUMAN RIGHTS UNDER THE CONDITIONS OF GLOBAL MODERNIZATION

The article deals with the problem of correlation of two concepts under the modern conditions of global modernization: the concept of state sovereignty and the concept

* Gabrelyan Emil Vachaganovich — candidate of legal sciences, research fellow in the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

© Габрелян Э. В., 2013
E-mail: gabrel@mail.ru

of human rights. The author shows incompatibility of these concepts both in terms of internal and external aspect of sovereignty. As for the internal aspect of sovereignty, the author points out that the principle of supremacy of human rights underlying the law-bound state neutralizes the principle of absoluteness and unity of power. The category of sovereignty used together with the theory of a law-bound state ceases to reflect real rules (laws) of the structure of the institutes of public authority and to pertain to power as particular relations (actions) of individuals. From the perspective of the theory of a law-bound state, the concept of sovereignty loses its initial meaning, becomes harmless and only hinders the theoretical analysis of a state, requiring further explanations. As for the external aspect of sovereignty, the author demonstrates that the development of ideology of human rights within their universal meaning (universal standards of human rights) leads to erosion of the principle of non-interference in the internal affairs of states and of its basis — the principle of independence of states. The concurrent existence of two doctrines — universal standards of human rights and the principle of independence of states, when the perception of sovereignty as a supreme value is not dominating any more, and the universal approach to human rights has not yet become prevailing — leads to the emergence of self-contradictory constructions of sovereignty.

KEYWORDS: sovereignty, state power, human rights, modernization.

В каноническом варианте (не искаженном совмещением концепции суверенитета с концепциями, его отрицающими) идеология суверенитета¹ описывает ситуацию, в которой организация публично-властных институтов предполагает наличие фигуры суверена — верховного правителя (одного лица или группы лиц). В этом случае властное положение верховного правителя изображалось бы посредством комплекса взаимодополняющих и имеющих внутреннее и внешнее проявление принципов: институциональная неограниченность власти верховного правителя, институционально-организационное единство (нераздельность), постоянство (институциональная преемственность) и независимость от аналогичных суверенов.

Концепция суверенитета практически плодотворно применима и теоретически объяснима с позиций любых вариантов институционально неограниченных централизованных режимов власти (тоталитарных, авторитарных, этатистских, самодержавных, абсолютистских, султанатских, деспотичных и др.). Именно поэтому для Ж. Бодена типичным носителем суверенитета является «абсолютный» монарх.²

Верховный правитель расположен над правом и вне права, только тогда он — суверен и ни один из существующих институтов публичной власти не только не обладает компетенцией по отмене решений суверена, но и возможностью конкуренции с ним. «Он (суверен. — Э. Г.) создает право для подданных, сам находясь за пределами права. Для его законодательной деятельности нет и не может быть никаких правовых ограничений.

¹ Определяя суверенитет через полновластие государства на своей территории и его независимость от других государств, И. Д. Левин к признакам полновластия относит: 1) единство власти, 2) монополию или концентрацию властного принуждения «в руках государства в лице его органов», 3) неограниченность государственной власти (см.: *Левин И. Д. Суверенитет. М., 2004. С. 71–72*). Суверенитет отражает идею **абсолютной и неограниченной** власти государства в пределах собственных границ (см.: *Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 161, 523*).

² *Левин И. Д. Суверенитет. С. 21.*

Важно понимать, что суверен не ограничен правом по определению».³ Позиция о неподчинении суверена изданным им законам выражена также у Т. Гоббса: «...суверен не подчинен тем законам, которые он сам, т. е. государство, создает».⁴

Идеология и практика прав человека и концепция суверенитета логически (теоретически) не совместимы, когда речь идет о внутреннем аспекте суверенитета, и конкурируют, когда речь идет о внешнем аспекте.

Внутренний аспект: суверенитет и правовое государство. Теория правового государства нивелирует принципы неограниченности и единства власти. Следует напомнить, что правовое государство предполагает права (свободу) индивида в качестве высшей ценности и со времен Дж. Локка и Ш. Монтескье казуально обуславливает возможность свободы индивида наличием разделения властей — специфически организованными институтами публичной власти.

Социокультурная значимость прав человека выражается в том, что на уровне специального официального юридического текста — конституции фиксируется их естественно-правовой характер, означающий: а) природность прав, т. е. наличие прав индивида объясняется не через акт верховной власти (права индивида не ставятся в зависимость от «воли государства»); б) неотчуждаемость, т. е. невозможность их, в том числе и прежде всего, законодательной отмены (отчуждения). Идеологически отчуждение прав человека недоступно для институтов публичной власти правового государства, а их действия ограничены правами индивидов, которые внеположены по отношению к актам институтов публичной власти, — именно в этом логика ограниченности власти правом (*limited government*⁵), что противоречит идеологии неограниченности власти. Естественные права индивида становятся пределом действия власти, а их отчуждение неправомерно и вызывает последствия, описанные в договорной теории происхождения государства Дж. Локка.⁶

Права человека замыкаются на их институциональном обеспечении организацией публичной власти, не только не предполагающей фигуры верховного правителя — суверена с его единой властной вертикалью, наоборот, исключающей существование верховного правителя путем специфической организации институтов публичной власти. Такие категории, как республиканизм, конституционализм⁷, децентрализация — вертикальное⁸

³ Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 72.

⁴ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 223.

⁵ Смысл конституционного правления — ограничение власти путем децентрализации (Colley T. A Treatise on the Constitutional Limitations. Boston, 1871).

⁶ М. Р. Коэн иллюстрирует позиции американских судей, придерживающихся в своей практике юнатуралистского тезиса о том, что «если закон нарушает естественные права, «ему нет оправдания, а гражданин не обязан подчиняться ему» (Коэн М. Р. Американская мысль. М., 1958. С. 130).

⁷ «...вся история конституционализма, по крайней мере со времен Джона Локка являющаяся, по сути, историей либерализма, была наполнена борьбой против позитивистской концепции суверенитета и родственной концепции всемогущества государства» (Хайек Ф. А., фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 230).

⁸ «Разделением властей по вертикали именуется в конституционной доктрине США принцип федерализма. Как и разделение властей между ветвями правления по горизонтали, федерализм — один из основополагающих компонентов конституционной системы. Он действует в целях рассредоточения власти и призван служить гарантией

(Федерализм⁹ и местное самоуправление) и горизонтальное (прежде всего наличие независимой судебной власти, конкурирующей и конфликтующей с исполнительной и законодательной властями) разделение (рассредоточение) властей, система сдержек и противовесов, политическая конкуренция, полицентризм, плюралистическая теория власти, отражают разные стороны одного и того же — способа организации публичной власти, не только исключаящего, но и предотвращающего неограниченность и единство. В противном случае следует оспаривать базовые категории теории конституционного права как не отражающие социальной реальности: «Никакого разделения властей в действительности никогда не было, ибо власть всегда была единой, она всегда принадлежит какому-либо одному классу». ¹⁰ Или как направленные против «сущности государства»: по Т. Гоббсу, учение о делимости власти ясно и прямо направлено на ослабление и распад государства, ¹¹ это касается и положения судей, являющихся лишь служителями верховной власти и осуществляющих по поручению верховного правителя судопроизводство, ¹² которым следует помнить о лояльности «государству».

Следует заметить, что концепция суверенитета изначально возникла в европейской континентальной политической традиции и ее применение к англосаксонской политической традиции и практике организации институтов публичной власти изначально вызывало трудности. Например, в английской политико-правовой традиции не получили развития теории народного, национального и государственного суверенитета, ¹³ а в США «верховенство закона сочеталось с решительным отвержением суверенитета». ¹⁴ К. Шмитт видел, что англосаксонская концепция «плюралистического государства» разрушает традицию интерпретации государства через суверенитет. ¹⁵ «В своей приверженности локковской политической философии американец настолько антигосударственник, — пишет С. Хантингтон, — что государство для него есть средство ограничения власти». ¹⁶ Поэтому значение конституционного права США состоит в гарантировании фундаментальной свободы, что, в свою очередь, предполагает установление и разграничение сфер свободы индивида и пределов действия государственной власти. ¹⁷

Плюралистические интерпретации власти, ¹⁸ сформулированные на основе социологического анализа отношений властвования, показывают

против нарушения личных свобод» (Егоров С. А. Конституционализм в США: политико-правовые аспекты. М., 1993. С. 16).

⁹ «Федерализм — нечто большее, чем политическая философия и философия права. Он является одним из элементов американского либерализма» (Коэн М. Р. Американская мысль. С. 134).

¹⁰ Вышинский А. Я. Конституционные принципы советского государства. М., 1940. С. 33.

¹¹ Гоббс Т. Левиафан. С. 224.

¹² Там же. С. 167–168.

¹³ Современное буржуазное государственное право. Критические очерки. Буржуазная наука государственного права. М., 1987. С. 68, 69.

¹⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 113.

¹⁵ См.: Шмитт К. Государственная этика и плюралистическое государство // Шмитт К. Государство и политическая форма. М., 2010. С. 237–239.

¹⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. С. 27.

¹⁷ См.: Williams J. Constitutional Analysis in a Nutshell. Saint Paul, 1979. P. 33–34.

¹⁸ О плюралистических теориях власти см., напр.: Ледаев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М., 2012.

иную картину государства, оставляя категорию «суверенитет» лишь на «бумаге» — как термин официальных документов, не отражающих реальное положение.¹⁹

Несмотря на несовместимость концепций суверенитета и правового государства и логичности отказа от категории суверенитет («есть суверен — есть суверенитет», «нет суверена — нет суверенитета»), на котором настаивают некоторые социальные теоретики,²⁰ отказа не происходит и, вероятно, не произойдет.

В таком случае (при использовании термина «суверенитет» без наличия фигуры суверена) концепция суверенитета искусственно заполняется «новым содержанием» в холистском стиле, фиктивными категориями, и отсюда появляются «суверенитет народа» («народный суверенитет»),²¹ «национальный суверенитет» («суверенитет нации»). Попытки увязать суверенитет и федерализм приводят к внутренне противоречивым конструкциям — «ограниченный», «дуалистический», «потенциальный» суверенитет.

Приписывание суверенитета «народу», «нации», так же как и объяснение божественного источника власти (приписывание суверенитета Богу, например: «Абсолютная власть над миром и человеком принадлежит Богу» — ст. 56 Конституции Ирана), существующее в теократиях, символично, номинально и выполняет легитимирующую²² функцию, не имеет отношения к социальной реальности, поскольку никаких реальных специфических отношений властвования (принуждения, подчинения, применения санкций и т. д.) между субъектами «народ» и «не-народ» не отображает, если, конечно не занимать холистско-мистическую позицию о существовании в социальной реальности, помимо индивидов, способных осознаваться и иметь волю, находиться в отношениях властвования, таких надындивидуальных субъектов, как «народ», «нация» и государство.²³ Не спасает, разумеется, тезис о приписывании суверенитета не «органу», а самому «государству в целом».²⁴ В обоснование такой позиции можно сослаться только на фрагменты конституционных текстов, а не на реальный

¹⁹ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. М., 1993. С. 157–159.

²⁰ Например: «Чтобы мыслить последовательно в сфере политической философии, нам следует отказаться от понятия суверенитета, которое есть не что иное, как аналог понятия абсолютизм» (Маритен Ж. Человек и государство. М., 2000. С. 53). «Два понятия — «суверенитет» и «абсолютизм» — выкованы вместе, на одной наковальне. И оба их следует выбросить» (Там же. С. 56).

²¹ «...понятие народный суверенитет является с технико-юридической точки зрения чистой фикцией» (Левин И. Д. Современная буржуазная наука государственного права. М., 1960. С. 263).

²² См.: Четвернин В. А. Государство: сущность, понятие, структура, функции // Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. акад. В. С. Нерсисянца. 2-е изд. М., 2010. С. 557.

²³ Категория «народ» (как и другие категории холистского словарного фонда, например, «ответственность за свою Родину перед нынешними и будущими поколениями» — преамбула Конституции России), понятная для обыденного сознания и используемая в обыденной речи, успешно выполняет функцию легитимации институтов власти. Помимо «суверенитета народа» используются категории «народный гараж», «народный артист» и др. Оставаясь исключительными на уровне обыденности, они не пригодны для строгого теоретического анализа социальной реальности. «Термины, подобные «социальному сознанию», «душе народа», «национальному духу» и т. д., могут фигурировать только в качестве поэтических образов; взятые же в своем буквальном смысле они не соответствуют действительности» (Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. М., 1993. С. 316).

²⁴ Левин И. Д. Суверенитет. С. 86.

социальный анализ, который, заметно усложняя картину, показывает, что властвуют только индивиды.

Категория «суверенитет», используемая наряду с теорией правового государства, перестает отражать реальные принципы организации институтов публичной власти и иметь отношение к власти как определенным отношениям (действиям) индивидов. С точки зрения теории правового государства концепция суверенитета теряет свое изначальное значение, размывается и лишь затрудняет теоретический анализ государства, требуя дополнительных объяснений.

Внешний аспект: принцип независимости государств и права человека. В настоящее время жестко противостоят, конфликтуют два опирающихся на разные ценностные ориентации концептуальных подхода к соотношению прав человека и принципа независимости государства как выражения суверенитета.²⁵

Суверенитет как независимость (со времен Вестфальского мира, означавшего независимость суверена от других суверенов) предполагает «политическую независимость государств» и недопустимость «права на вмешательство в дела, по существу входящие в компетенцию любого государства» (ст. 2 Устава ООН). Соответственно, права человека «относятся к внутренней компетенции государств»²⁶ и находятся под защитой концепции суверенитета — суверенитет является первоисточником (первопричиной) права вообще и прав человека в частности, права человека производны от суверенитета. Понятно, что в такой версии права человека в принципе не выводимы из рамок суверенного национального порядка, имманентно ему присущи. Постановка вопроса о «нарушениях» прав человека с позиций национального порядка бессмысленна, а с позиции универсального подхода к правам индивида логично блокируется тезисом о специфике национальной концепции прав человека (например, «социалистической концепции прав человека»²⁷), не признающей универсального подхода, и о неправомерности вмешательства во внутренние дела государства. В рамках такого подхода вполне логично выглядят меры по «противодействию попыткам использования правозащитных концепций в качестве инструмента политического давления и вмешательства во внутренние дела государства».²⁸

Однако развитие идеологии прав человека приводит к размыванию принципа невмешательства во внутренние дела государства и его основы — принципа независимости государств. Революционным в плане десуверенизации звучит тезис: «Нарушая права человека — гражданина мира, правительства могут лишиться международного признания своего суверенитета».²⁹

Методологическая основа такой позиции, противоположная первой, — приоритет ценности прав человека, причем понимаемых универсально

²⁵ «Нередко уже устаревшие представления о суверенитете препятствуют конкретизации и реализации прав человека в национальном праве» (*Международное право / Витцум В. Г. и др. М., 2011. С. 486*).

²⁶ *Захарова Н. В.* Под видом обеспечения прав человека. М., 1971. С. 86.

²⁷ *Фарбер И. Е.* Свобода и права человека в советском государстве. Саратов, 1974. С. 5.

²⁸ Подпункт «т» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации».

²⁹ *Бек У.* Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 107.

(универсальные стандарты права человека), над значимостью суверенитета государства. «При переходе от национального государства к космополитическому мировому порядку происходит далеко идущее изменение в соотношении приоритетов международного права и прав человека. Принцип “международное право выше прав человека”, действовавший в условиях Первой модернити, когда доминировали национальные государства, замещается принципом “права человека выше международного права”, которому подчинены глобальные отношения во Второй модернити».³⁰

Универсальность прав человека при этом означает их внеположенность по отношению к национальному законодательству и возможность оценивать национальное законодательство с позиции прав человека. Придание правам человека универсального характера означает также их изъятие из внутренней компетенции государств и перевод в надгосударственный (надсуверенный) уровень (в советский период концепцию, которая не рассматривает права человека как внутреннее дело, называли империалистической, антисоциалистической,³¹ а теории, ставящие под сомнение концепцию суверенитета, определяли как отражающие «стремление англосаксонских империалистов установить мировое господство»³²). Вот одна из осторожных, словесно не отрицающих принцип независимости государства, попыток вывода прав человека из границ суверенитета: «Мы категорически и окончательно подтверждаем, что обязательства, принятые в области прав человеческого измерения, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников и не относятся исключительно к внутренним делам соответствующего государства».³³

Далее из такой позиции логически следует возможность вмешательства (применение санкций)³⁴ во внутренние дела государства (с «сомнительной репутацией»³⁵) в случае установления нарушения универсальных стандартов прав человека. Предельный (крайний) вариант вмешательства во внутренние дела государства помимо воли «суверенных властей»

³⁰ Бек У. Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 180.

³¹ См.: Сабо И. Идеологическая борьба за права человека. М., 1981. С. 120–121.

³² Дорогин В. Суверенитет в советском государственном праве. М., 1948. С. 29.

³³ Астанинская юбилейная декларация: на пути к сообществу безопасности // Ежегодный доклад о деятельности ОБСЕ 2010. С. 16. <http://www.osce.org/ru/sg/81873> (дата посещения 8 декабря 2011 г.).

³⁴ «...вмешательство необходимо. Мы ведь, по сути, считаем себя неотъемлемой частью того, что принято называть “цивилизованными народами”. И само использование слова “цивилизованный” обязывает нас признать происходящее в этих проблемных регионах форменным варварством. Сегодня правомерно говорить о наличии на планете “мира цивилизации” и “мира варварства”. И если мы не способны формулировать принципы “цивилизованного” поведения и жестко следовать им, то это приглашение всем остальным действовать “нецивилизованными” методами» (Белл Д., Иноземцев В. Л. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 192). «...мы обязаны вмешиваться в такие ситуации, и по двум причинам: во-первых, из соображений морального порядка, заставляющих нас считать массовые убийства, изнасилования и изгнание людей с насиженных мест вещами нетерпимыми; во-вторых, из соображений элементарной безопасности, так как допущение такого рода конфликтов без всякого внимания к ним извне означает мультиплицирование беспорядка, что становится проблемой для всего мира» (Там же. С. 193).

³⁵ Хабермас Ю. Плюралистическая конституция для плюралистического мирового сообщества? // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М., 2011. С. 321.

предусматривает, например, Конвенция ООН «О предупреждении преступлений геноцида и наказании за него»: «...геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они (договаривающиеся стороны. — Э. Г.) обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение» (ст. 1).³⁶ Следует указать также, что с позиции приоритета верховенства прав человека вопрос о механизме их обеспечения (в национальном или наднациональном принудительном порядке) является техническим, производным, вторичным по отношению к вопросу о суверенитете, а не сущностным. Если наднациональный порядок имеет правовой характер, т. е. является порядком, защищающим права человека, то такой порядок с позиции права человека следует признать правомерным даже в случае утраты суверенитета.

Следствием развития концепции верховенства прав человека как универсальных, вероятно, в перспективе является допущение и даже необходимость формирования наднациональных институтов публичной власти, предусматривающих процедуры установления нарушения прав человека со стороны государства и применения мер принуждения к нарушителю, т. е. принятия решения о вмешательстве во внутренние дела.

Развитие доктрины универсальных прав человека, а также процесс глобализации в иных сферах и связанные с ним риски в области безопасности³⁷ отражаются на социальных теориях, которые уже фиксируют отход от концепции «национального государства» и появление феномена **«наднациональности»**³⁸ — межгосударственных институтов, формулирующих правила и стандарты, которые могут отличаться от правил и стандартов, сформулированных национальными институтами публичной власти, — что непосредственно оказывает влияние на концепцию суверенитета.

На современном этапе определяющая роль в установлении универсальных стандартов прав человека принадлежит наднациональным судебным институтам.

В настоящее время существует ряд наднациональных судов: Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), Суд Европейского Союза, Межамериканский суд по правам человека; Африканский суд по правам человека и народа; Арабский суд по правам человека; Международный суд ООН.

В этом ряду качественно выделяется ЕСПЧ тем, что в отличие от других наднациональных судов рассматривает споры между индивидом и национальными инстанциями (жалобы граждан на государства). Решая спор, ЕСПЧ толкует положения текста Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что непосредственно ведет к установлению общеевропейских стандартов прав человека в решениях ЕСПЧ (прецедентное право),

³⁶ «Международное сообщество с помощью ООН или региональных организаций приобрело право на гуманитарную интервенцию в целях борьбы с массовыми нарушениями прав человека государством на его собственной суверенной территории» (*Международное право* / Витцум В. Г. и др. М., 2011. С. 486).

³⁷ См., напр.: *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004. С. 191–192.

³⁸ Феномен «наднациональности» (англ. — *supranational*, фр. — *supranationalité*, нем. — *überstaatlich*) исследуется в рамках как теории конституционного, так и международного права (*Хохлов И. И.* Наднациональность в политике Европейского Союза. М., 2007; *Hey P.* *Federalism and Supranational Organizations.* London, 1966; *Kunz J.* *Supranational Organs // American Journal of International Law.* 1952. Vol. 4; *Этциони А.* От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004. С. 243–264).

обязательных для национальных институтов публичной власти. Например, как отмечается в решениях Конституционного Суда России, решения Европейского суда по правам человека, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, «являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права».³⁹

Таким образом, именно на основе доктрины прав человека как одной из центральных западных ценностей, получившей развитие в тексте о правах человека, который толкуется внеациональным судебным институтом, происходит движение в сторону общеевропейских стандартов прав человека и оформления наднациональности (наличие наднациональных судов — продолжение доктрины разделения властей в целях институционального обеспечения свободы).

Такое движение, однако, не является бесконфликтным, оно встречает сопротивление, что естественно, со стороны доктрины суверенитета. Противостояние двух доктрин выражается в возможных принципиально разных подходах к правам человека, оформленных в решениях ЕСПЧ и национальных судебных институтов (верховного или конституционного суда), толкующих текст национальной конституции. В таком случае те, кто настаивает на приоритете решений наднационального судебного института, обосновывают свою позицию приоритетом прав человека, имеющих общеевропейское (универсальное) значение, в то время как сторонники верховенства решений национальных судебных институтов обосновывают такую позицию неприкосновенностью доктрины государственного суверенитета и национальной особенностью прав человека («национальной концепцией прав человека»).

Часть решений ЕСПЧ вызывают резкую реакцию национальных властей. Следует заметить, что сам факт недовольства национальных властей решениями ЕСПЧ, обвинения в политизированности (подобно тому, как К. Шмитт обвинял в политизированности национальную судебную инстанцию, которая позиционировала себя «против государственного закона»⁴⁰) и т. д. свидетельствует в целом о независимости наднациональной судебной инстанции, что является, безусловно, положительным для возможности защиты права человека.

Коллизии судебных решений наблюдались и ранее. Так, конкуренция двух принципов (прав человека и суверенитета) приводила также к противостоянию Суда Европейского Союза и национальных судов государств — членов Европейского Союза. Суд ЕС формировал прецедентное право, исходя из того, что в случае «коллизии права сообщества и национального права первое имеет приоритет по отношению к правовым актам государства».⁴¹ Как отмечается, в задачи суда входит «обеспечение верховенства общеевропейского права над национальным правом».⁴² Однако позиция Суда ЕС о верховенстве «европейского права», которую он сформулировал в самом начале своей деятельности, поскольку неизбежно

³⁹ Пункт 2.1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 года № 2-П; п. 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П.

⁴⁰ Шмитт К. Новые принципы для правовой политики // Шмитт К. Государство и политическая форма. С. 237–259.

⁴¹ Международное право. С. 486.

⁴² См.: Abo K. Some Aspects of the Court of Justice. London, 1996. P. 4.

столкнулся с ней, также была встречена оппозиционно со стороны национальных судебных институтов, хотя в настоящее время верховенство признается безоговорочно.⁴³ И в данном случае определяющую роль сыграло то обстоятельство, что без превращения прав человека в ядро европейского права невозможно было бы настаивать на верховенстве права ЕС.⁴⁴

Одновременное существование двух доктрин — универсальных стандартов прав человека и принципа независимости государств, когда представление суверенитета как высшей ценности уже не доминирующее, а универсалистский подход к правам человека еще не господствует, — приводит к появлению внутренне противоречивой конструкции «ограниченного суверенитета».⁴⁵

⁴³ *Энтин Л. М.* Квалификационные характеристики европейского права / Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / отв. ред. Л. М. Энтин. 2-е изд. М., 2007. С. 56–58.

⁴⁴ Там же. С. 277.

⁴⁵ «Подобно тому, как защита прав и свобод человека на международно-правовом уровне ограничивает суверенитет государств, право Европейского Союза в этой сфере также ограничивает суверенитет государств» (*Мещерякова О. М.* Наднациональность в праве Европейского Союза и проблема суверенитета. Автореф. ... дис. к. ю. н. М., 2010. С. 20).